

Ю. Д. КАРПОВ

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ИНДИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ КОНЦА XIX— НАЧАЛА XX ВЕКА

Первой задачей мы ставили исследовать идеологию и некоторые социально-психологические проявления, присущие основным из основных течений индийского буржуазного национализма — умеренным — в конце XIX — начале XX века. Актуальность этой задачи очевидна, если учесть, какую роль играет и продолжает играть национальная буржуазия, ее идеология и тактика во всех странах Азии и Африки, недавно освободившихся от колониального ига или еще борющихся за свое будущее.

В советском востоковедении проблемы идеологии национальной буржуазии вообще и индийской национальной буржуазии в частности, разработаны слабо. Что же касается ее правого крыла — умеренных, то на эту тему нет специальной работы наших востоковедов.

Изучение вышеуказанных проблем представляет, на наш взгляд, интерес также в связи со сложностью и, соответственно, недостаточной разработанностью ряда методологических вопросов в области идеологии и социальной психологии.

На исходили из понимания идеологии, разработанной в марксизме И. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Г. В. Плехановым и некоторыми учеными и зарубежных исследователей-марксистами. Основу этого понимания составляет тезис о том, что общественная психология, общественное сознание в целом и все другие формы духовной деятельности

сти общества являются отражением общественного бытия прежде всего, материальных, экономических условий ж Маркс и Энгельс, создавая основные идеи материалистического понимания истории, обращали внимание в первую очередь именно на этот момент¹.

Отражение общественного бытия идеологией имеет особенностей. Во-первых, идеология — по способу отражения представляет собой **теоретически систематизированное выражение** (за исключением эстетической формы идеологии отражение происходит также и в виде образов). Этим логия отличается от эмпирического, обыденного сознания (важнейшим элементом которого является общественная холология), отражающего бытие в виде бессистемных взглядов, представлений, иллюзий, волевых проявлений и чувств.

Во-вторых, отражая разные сферы бытия, идеология и все общественное сознание, делится по предмету отражения на **разные формы** (соответствующие различным формам общественно-исторической деятельности людей): политическую, правовую, нравственную, эстетическую, философскую, гиозную.

В-третьих, следуя за реально существующим положением вещей, идеология объективно отражает в конечном примат **социально-экономических отношений** в обществе, являющийся прежде всего в виде интересов классов и дифференциальных групп и, соответственно, отражает сложившуюся классовую структуру общества.

В-четвертых, необходимо отметить необычайнуюность процесса конечного отражения социально-экономических отношений общества отдельными формами идеологии, зачастую (**многократно опосредуемого** как другими оценочными общественными процессами и отношениями, т. разными формами идеологии, общественной психологией) всем обыденным сознанием в целом.

Исходя из всех этих особенностей и учитывая необходимость в то же время выделить основу, коротко идеология можно было бы определить как **теоретическое классовое сознание**².

¹ Ф. Энгельс писал: «...главный упор мы делали сначала на выведении политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических faktov, лежащих в их основе». К. Маркс, Ф. Энгельс, Избр. письма, М., 1953, стр. 424.

² Смотри В. А. Ядов. Идеология как форма духовной деятельности общества, ЛГУ, 1961, стр. 27.

Это позволяет нам выделить и главную закономерность идеологии, идеологического процесса — их зависимость от степени развития противоречий между классами, основными социальными группами, от соотношения сил в обществе.

Следует отметить, что многие из них определяются вышеуказанными особенностями идеологии.

Идеология, будучи явлением вторичным по отношению к общественному бытию, отражает основные закономерности развития материальных условий жизни общества и определяется им, она обладает и относительной самостоятельностью в своем развитии¹, имеет ряд своих внутренних исторических закономерностей².

Но в то же время внутренние закономерности в развитии идеологии можно бы свести к следующим:

1) Идеологическая борьба или развитие идеологии в пропагандистских формах с возвретиями противостоящей социальной группой; 2) Решение противостоящих друг другу идеологических конфликтов определяется конкретными социальными, историческими условиями; по форме же они являются идейными анатомиями. Чтобы понять, каким образом происходит создание и развитие тех или иных теоретических концепций, важно не только социально-экономические отношения, но и определенную атмосферу, идеологическую борьбу в данном обществе в соответствующий период.

Идеологическая преемственность, или отношение к теории и практике прошлого, к духовному наследию. Необходимо диалектически соединить позитивную преемственность (критическое, творческое восприятие идеологических достижений прошлого) и негативное (развитие отдельных теорий — вопреки соответствующим традициям).

Важно также упомянуть о том, что идеология в работе «Людвиг Фейербах и конец классической германской философии», а также в письмах 90-х годов об историческом ма-

териализме Ядов, указ. соч., стр. 74—119; В. В. Журавлев, «Фейербах и идеализм об относительной самостоятельности общественного сознания», М., 1961, стр. 60—157; Сб.: Формы общественного сознания, М., 1960, стр. 30—67. При этом необходимо подчеркнуть, что развитие общественных форм — отражается в общественном сознании (включая общественную психологию и в теоретически осмысливаемую практику). Г. М. Гак. Учение об общественном сознании в свете марксизма, М., 1960).

ствующим теориям прошлого). Но в любом случае идея исходит из предшествующего этапа развития идеологии.

Возможна идеологическая преемственность как по содержанию, так и по форме. При этом из-за недостаточного развития общественного сознания часто обнаруживается тенденция использовать идеологическую терминологию прошлого, старые идеологические формы, соответствующие общественной психологии масс или отдельных социальных групп, — объяснения явлений настоящего. Такое временное использование старой формы не противоречит ходу общественного прогресса до тех пор, пока старая форма достаточно очищена от неопределенности и оказывается шире своего прежнего смысла. С развитием нового идеологического содержания разворачивается постепенно и новая, соответствующая ему форма, даже органически усваивается старая.

3. **Идеологические взаимовлияния** или взаимодействие между духовной культурой разных стран. Отвергая буржуазные теории заимствования или «миграции идей», марксизм признает значение идеологических взаимовлияний, находящую конечную материальную основу. Такой основой чаще является общность социально-экономического строя, сходства политической ситуации, социально-исторических задач, стоявших перед классами — носителями соответствующих идей.

4. **Взаимодействие идеологических форм** (в рамках единой идеологии). Социально-экономической основой этого взаимодействия является единство общественного бытия как системы производственных отношений, наличие своего особого мировоззрения у каждого социального класса. Конкретные проявления этого взаимодействия зависят во многом от специфики разных идеологических форм. Эти особенности различных форм обусловлены различием предмета отражения различных формами идеологии, средствами и способами отражения общественного бытия, степенью зависимости отдельных форм от экономического базиса (и, соответственно, характером политического воздействия на него) и, наконец, генетическими особенностями каждой из идеологических форм. В результате любой из форм идеологии есть самые различные связи с различными формами.

Взаимодействию различных идеологических форм между собой также способствует наличие единой для представителей данного класса общественной психологии, непосредственно выражющей общественное бытие в виде потребностей, вку-

иций, чувств, настроений и тому подобных проявлений¹. В своем исследовании мы решили особо выделить политическую форму идеологии. Во-первых, в политической форме наиболее ярко и непосредственно отражается классовый характер идеологии, представляющий прежде всего классово-политическое самосознание. Во-вторых, именно те проблемы, которые нас особенно интересуют в идеологии буржуазного национализма, относятся к политической ее форме. Трех проблем три: 1) характер классовой позиции носителей данного идеологического направления, выражаящийся в сфере экономических и политических интересов определенных классов или других социальных слоев, групп; 2) характер отношения идеологов к империализму и, соответственно, к национальному освобождению страны (вопросах, путях, средствах и методах национального возрождения); 3) вытекающая из первых двух проблема отношений народным массам, к их интересам, отношения к народным движениям.

Основной материал для характеристики процесса развития идеологии правого крыла индийского буржуазного национализма «умеренных» нам дала книга мемуаров С. Н. Баджри «Создание нации»². Воспоминания одного из активных деятелей и старейших лидеров Национального конгресса написаны на широком историческом фоне политической жизни индийского общества второй половины XIX — четверти XX вв. Автор избрал свободную манеру изложения, не всегда композиционно следующую хронологическому порядку событий, пользуясь приемом сравнения более ранних лет с более поздними, рассказывая о дальнейшем пути лиц, упомянутых в связи с каким-либо событием. Этот стиль помогает лучше уяснить позицию автора начала двадцатых годов XX в. (периода, когда пишутся мемуары), т. е. именно того времени, когда политическая идеология либералов — умеренных достаточно оформилась и противопоставила себя другим политическим течениям. В это же время произошло организационное размежевание внутри индийского буржуазного национализма).

В нашей работы этот источник дает достаточно материала, поскольку мы ставили задачей лишь установить основные черты процесса развития этих идеологических течений, и,

1. С. Н. Баджри. «Проблемы общественной психологии». М., 1965, стр. 3.

2. Badjri S. A nation in making. London, 1925.

в частности, характер идеологической борьбы, преемственности, взаимовлияний.

Работа Банерджи дает в этом отношении значительный материал. Красной нитью через всю книгу проходит поле Банерджи как с «революционерами» — террористами, так и последователями гандистской политики несогласных. Эта полемическая заостренность книги проявилась, в частности, в постоянном сравнении движения несогласных 1921—1922 гг. с движением свадеши 1905—1907 гг. (сравнение в пользу последнего). Тенденциозность Банерджи помогла ему объективно взглянуть на вещи и увидеть положительные стороны инакомыслящих идеологов, находившихся более резкой, чем умеренные, оппозиций к британскому доминированию.

Банерджи был общепризнанным лидером индийских бералов умеренных, стоявших у истоков Индийского национального конгресса. Его мемуары, дополненные материалом из книги воспоминаний одного из видных деятелей умеренного крыла Мазумдара¹, представляют достаточно полный и авторитетный источник для анализа процесса развития воззрений идеологов либерального, умеренного крыла национализма.

В основе возникновения и развития индийского буржуазного национализма лежат, по нашему мнению, две исторические тенденции в развитии капитализма (о которых в 1917 году писал В. И. Ленин). «Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против национального гнета, создание национальных государств. Вторая: единение и уничтожение всяческих сношений между нациями, ликвидация национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики и т. д.»².

Думается, что именно в силу наличия двух тенденций в развитии индийского капитализма — к консолидации нации с одной стороны, и ломки национальных перегородок, с другой стороны, (на основе имевшихся экономических связей Индии с Британской империей) появляются и два направления в индийском буржуазном национализме, оформившиеся в итоге в течения умеренных (правые) и крайних (левые).

Направление умеренных, социальной базой которых являются представители крупной буржуазии, интеллигенции и свя-

¹ A. C. Mazumdar. Indian national evolution. Madras, 1917.

² В. И. Ленин. Соч. Изд. 5, т. 24, стр. 124.

ними помещиков, выступало с либеральными позиций и оставалось лояльным по отношению к колониальным властям.

Направление было прямым наследником либеральных социально-буржуазных организаций Индии второй половины XIX века со всей непоследовательностью, двойственностью позиций, когда, с одной стороны, они субъективно освещали лояльными английскому правительству, а, с другой, уились в оппозиции колониальным властям, ведя с ними традиционную борьбу¹.

Рассмотрим основные особенности, присущие идеологии умеренных — правого, либерального крыла индийского национализма — на примере мировоззрения одних идеологов и политических лидеров умеренных Сурендра Банерджи, под руководством которого последние в 1918 году из состава Национального конгресса и в свою Либеральную федерацию.

Двигательно-политические воззрения умеренных, как и буржуазного национализма, развивались на основе социально-экономических условий Индии 70—80-х годов XIX века, в период усиления тенденции развития элементного капитализма по самостоятельному руслу, или наций (что было особенно характерно для Бенгалии Банерджи). Эти тенденции находили свое выражение, в частности, в развитии в разных частях Индии (в том числе в Бенгалии) упомянутых выше национально-культурных организаций, ограничивавшихся лишь мирными средствами для достижения своих целей и не ставивших задачей установление связей с народными мас-

общая линия развития буржуазного национализма и к развитию идеологии Банерджи. Любопытно, что лично сам Банерджи, окидывая взором в своих мемуарах пройденный путь, приближается к осознанию конечной общности национально-буржуазной идеологии от социальных условий, ее породивших. Так, он пишет, что большая активность приняла огромный размах, благодаря промышленным стимулам, что причина появления бойкота английских товаров и движения свадешни

1) М. М. Кутайна. Буржуазно-национальные организации Индии конца XIX века. Ташкент 1961. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук.

заключается в «индустриальной беспомощности» Индии, что «политический энтузиазм индийского народа был направлен на то, чтобы содействовать подъему промышленной стояния «в духе протекционизма»¹.

Конечно, в основе взглядов Банерджи, как идеологического представителя класса национальной буржуазии, ли в конечном счете экономические и политические устремления этого класса. И мы ниже постараемся это доказать у идеологии Банерджи, как и у всякой идеологии, были свои специфические внутренние источники и условия разви- в принципе не всегда совпадающие с закономерностями циально-экономического развития. И эти внутренние за- мерности, источники и условия развития взглядов Бане- во многом тождественны или подобны закономерно- источникам и условиям развития идеологии всего про- умеренного крыла индийской национальной бу- азии.

В своем идейном развитии Банерджи исходил во- из богатых национальных и духовных, в частности, религиозных традиций. Сам он принадлежал к брахманской семье, дед был ортодоксальным индуистом, но отец его получил английское медицинское образование. Банерджи пошел по стопам отца, учился в Лондоне и, в отличие от консерваторов, мыслящих сторонников старины, очень высоко ценил религии в развитии нации, считал даже развитие здравоохранения и медицины «первым условием национального прогресса»². Он прямо пишет, что «ортодоксальный индуизм нравился ему»³. Но, хорошо сознавая, что в индийском обществе политик не может рассчитывать на успех, не прибегнув к освящению своих политических идей религиозной ментацией, Банерджи также использует обычные для представителей самых разных течений идеологии индийской национальной буржуазии приемы воздействий религиозные формы идеологии на политическую. Так, например, он минает о необходимости соблюдать в общественно-поли-

¹ S. Banerjee. Op. cit. pp. 207, 191, 199.

² Ibid., p. 5; к этому преувеличению, со стороны Банерджи, роли религии для национального прогресса следует отнести снисходительно: он эти строки в свою бытность министром здравоохранения местного вительства Бенгалии.

³ Ibid., p. 92; в частности, Банерджи еще в юношеском возрасте вовсю в движении против консервативного индуистского обычая возможности вторичных браков вдов.

движениях дисциплину и сдержанность, т. к., по его мнению эти качества лежат в основе индуизма¹. В религиозную форму облекает Банерджи предложенную им «клятву»².

Главой жизни представителей индийской буржуазной интелигенции — адвокатов, врачей, преподавателей колледжей — пытаются связывать свое благополучие с развитием капиталистического капитализма. Но полученное ими английское воспитание и воспитание, усвоенные как в быту, так и в политической жизни и в воззрениях английские привычки и традиции придают объективно буржуазно-национальной идеологии представителей верхушки индийской буржуазной интелигенции, к которым принадлежал Банерджи и другие ученые, про западную и, прежде всего, проанглийскую форму. Банерджи пишет, что учеба в Англии позволила ему изучить англичан и установить со многими из них добрые отношения. Он стремился к «великим институтам, которые помогли англичанам создать английскую жизнь и британскую конституционную свободу»³.

Банерджи подчеркивает свою особую приверженность к своим основам⁴. Но это стремление к идеологической преемственности, к традициям умеренных повернуто не в сторону индийских традиций, а к Западу (тогда как крайние, в отличие от умеренных, зачастую видели единственный источник существования идей — в индийском прошлом). В этом Банерджи вправе говорить об умеренных как о «новом поколении политиков, окрепшей от связи с Западом, знакомой с новыми методами и окрашенной западным духом, покинувшей избитую дорожку»⁵.

Новые методы конституционной, парламентской борьбы, применение для Запада, особенно для Англии, уже традиционные для колониального Востока были, конечно, новыми, и внесли национальными политиками и идеологами предварительный известный шаг вперед в национальном политическом плане.

¹Ibid., p. 136.

²Ibid., p. 228.

³«Невежество — мать предубеждения», — изрекает Банерджи по этому поводу и с гордостью признается в мемуарах, что один из англичан — это большим англичанином, чем сами англичане (Ibid., p. 21). «Предпочитаю переделывать старое, чем начинать новое», — писал Банерджи (Ibid., p. 68).

⁴Ibid., p. 198.

При этом необходимо сразу отметить, что если по отношению к национальному духовному наследию Банерджи, другие умеренные, придерживался здоровой политики ческого его осмысления, отбрасывая устаревшее, консервативное, сохраняя передовое и иногда используя в объеме прогрессивных целях некоторые традиционные (в частности религиозные) формы, то в отношении идей Запада он былстроен гораздо менее критически и не всегда учитывал империалистические и, соответственно, антizападные настроения, бытующие в индийском обществе.

Но в то же время, хотя Банерджи и стоял за беспарочное наследование западных буржуазно-либеральных его ни в коем случае нельзя упрекнуть в некритическом отношении радикальных демократических или революционных Запада¹.

Такой характер наследования идей Запада, по-видимому, отражает, в известной степени, объективное положение части класса национальной буржуазии, выразителем которой были умеренные: большую близость крупной национальной буржуазии, части помещиков и обеспеченных слоев английской интеллигенции к английскому колониальному аппарату. Подобное положение давало возможность этой верхушке национальной буржуазии эффективно использовать даже большие конституционные уступки английского правительства.

Наконец, можно проследить на конкретных фактах, как развивались взгляды Банерджи и идеология умеренных в ходе борьбы с чуждыми им взглядами: с идеологией кровеных защитников колониализма, со взглядами индийскими крайних, а также со взглядами и методами Ганди и его сторонников.

Но прежде необходимо выяснить, интересы каких социальных групп защищали Банерджи и умеренные.

¹ Банерджи пишет о большом влиянии, которое оказали на него и статьи Морли, а также одна книга о французской революции, явившаяся, по его словам, «наиболее сильным и обоснованным протестом против революции всех видов» (*Ibid.*, p. 142). Восприняв, как и многие индийские националисты, влияние концепции «единой Италии», выдвинутой знаменитым итальянским буржуазным революционером — демократом Мадзини, отметив (в частности, в своих лекциях) его высокий патриотизм, самоотречение и героическую преданность идеям гуманизма, Банерджи полностью отвергал все сколько-нибудь радикальные политические идеи и методы борьбы Мадзини. Он считал их непригодными для условий Индии, которой, по его мнению, был предначертан путь мирного конституционного развития (*Ibid.*, p. 43).

нишет Банерджи, уже в семидесятые годы XIX века
думать о создании в Бенгалии специальной полити-
ческой организации, способной представлять интересы «обра-
зованного среднего класса» на более демократической осно-
ве, существовавшая тогда Британская индийская ассо-
циация, защищавшая интересы землевладельцев. Такая орга-
низация — Индийская ассоциация — была сооздана в 1876 г.,
вследствие деятельности Банерджи, как «голос и орган средних клас-
сов», всю свою общественно-политическую деятельность
с самого начала связал с интересами национальной
«средней аристократии».

Он возглавлял движение за расширение возмож-
ности поступления на государственную службу представи-
телей образованной верхушки индийского общества. Хотя
они на службу были выходцами из всех обеспеченных
слоев общества — и даже преимущественно из помещичьих
домов, они пополняли ряды индийской интеллигенции,
главная часть которой становилась на позиции, как пра-
вительственной буржуазии, поставляя национальной бур-
жуазии лидеров и идеологов.

В течении всей своей общественной практики Банерджи добивался, говоря его словами, более широкого пред-
ставления индийцев на высоких общественных и прави-
тельственных постах и установления соответствующих пред-
ставительских институтов. Это, по его мнению, лежало в основ-
е многих проблем и, прежде всего, дало бы возмож-
ность «влиять на законы, контролировать финансы и
иметь управление... в соответствии с принципами,
которыми нашими представителями», т. е. «мы имели
управление в его наиболее истинном виде»². При этом
он не был сомнений в том, каково должно быть на-
личие властей, вложений финансов, в чьих интересах должны ус-
тавляться законы и представители каких социальных
группы были, в первую очередь, вырабатывать прин-
ципы управления.

Новой задачей индийского общества, с точки зрения
Банерджи, было «содействовать подъему нашего промышлен-
ности», «окружить нашу промышленность тарифной
защитой». Если у индийцев не имелось для этого законодатель-
ства, то значит нужно было, с одной стороны, такой

власти добиваться, а, с другой, всячески поощрять разместной промышленности иным способом, например, пропагандистскими общественно-политическими движениями деши и бойкота английских товаров, имевшими большой экономический эффект¹. И Банерджи активно участвует в движении за получение законодательных возможностей и в движении бойкота и свадеши. Он лично собирает средства для поддержки национальной текстильной фабрики Бенгалии, выступает за необходимость создания своих национальных банков и специального национального фонда кредитования индийской промышленности².

Все эти предлагаемые Банерджи и другими умеренные меры достаточно ясно указывали, что их интересы лежат на стороне, во-первых, верхушки буржуазной национально-теллигенции, могущей рассчитывать на достаточно высокие посты в законодательных и других органах власти, а во-вторых, крупной национальной промышленной буржуазии.

Банерджи не исключал возможностей союза в национальных движениях, типа движения свадеши, с другими социальными группами, например, с помещиками и даже при этом примеры трансформации сознания помещиков, присоединившихся к движению, а ранее предпочитавших иметь «хорошие отношения с властями»³. Но основу подобной трансформации он справедливо видел прежде всего в сфере общественной психологии, в области национальных патриотических чувств бенгальцев, затронутых разделом Бенгалии колонизаторами. Значение «импульса», как называет общественно-психологический фактор и прежде всего патриотические чувства Банерджи, было очень велико в движении 1905—1908 гг. «импульс» стал «социальной силой», «свадешизм окрепнутую структуру нашей общественной и домашней жизни», — пишет он⁴.

Но Банерджи верно подчеркивает, что «импульс» материальной, экономической основы может служить движущей «социальной силой» лишь в течение небольшого периода.

¹ Ibid., p. 198—199.

² Ibid., p. 208—210, 213.

³ Ibid., p. 221.

⁴ Ibid., p. 199.

⁵ Банерджи указывает, например, что если этот «импульс» не только репрессивным актом правительства, то он и действует до тех пор пока остается в силе акт. Так к примеру, было в случае с разделом Бенгалии и участием помещиков в движении против раздела.

новь должна падать на подготовленную почву, крепко в условиях экономики и политики¹.

Если говорить об отношении Банерджи к факту колониальной зависимости Индии, то надо отметить, что условия реальной действительности, антиимпериалистическая атмосфера, антиколониалистские настроения не могли, конечно, не оставить своего следа в сознании Банерджи и других умеренных. Сам факт создания Индийского национального конгресса был хотя и лояльной формой политической оппозиции умеренных националистов колониальным властям.

Насколько касается Банерджи, то он еще в юношеские годы принял к одному из многочисленных общественных движений времени — движению трезвости, возглавляемому журналом «Брахмо самадж» и рассматривавшему пьянство как наиболее грязную часть английской культуры². Гораздо больше в его идеином воспитании остались факты национального неравноправия индийцев, с чем столкнулся Банерджи в получении своего образования. В частности, для Банерджи индийца, оказалась закрытой дорога в адвокатуру, к которой он стремился. Он воспринимает это событие как иллюстрацию бесправия, беспомощности индийского общества, отсутствия своего организованного общественного мнения, характерного для индийских городов XIX века начинает активно заниматься гражданскими проблемами, в частности пытаясь, по его словам, «уделить у студентов колледжа, где он преподавал (с 1912 гг.) гражданские чувства и вкус к общественной жизни».

Но же, говоря о той основе, которая определяла его отношение к факту колониальной зависимости Индии, Банерджи пишет, что не видит коренных экономических противоречий между целями индийского общества и английских чиновников и что якобы исключительно из-за недомыслия отдельных чиновников английское правительство не помогает индийскому развитию Индии. А именно такая помощь, по мнению Банерджи, могла бы смягчить ситуацию и мудро отвести

п. 174. Банерджи пишет, что люди не принимают активного участия в данном движении, «пока их собственные интересы не будут удовлетворены, пока они не почувствуют, что «от успеха этого движения зависит их материальное благосостояние» (*Ibid.*, p. 200—201). Это и ему подобные движения и нельзя рассматривать как просто участие в них, как справедливо считает Банерджи, было формой приобщения молодежи к общественной жизни.

р. 32—38.

движение «садеши — экономическое и политическое
должные каналы»¹.

Не видя конкретных, с ходом развития капитализма углубляющихся, противоречий между британским империализмом и национальным капитализмом, Банерджи и умеренные объективно не выражали генеральных интересов класса национальной буржуазии в целом, а отражали взгляды той его части, которая могла получить какие-либо материальные приобретения в результате небольших реформ в управлении — прежде всего, в виде чиновничих постов. Поскольку административные реформы не снимали главного, экономического противоречия между колониальной Индией и метрополией, поскольку они не удовлетворяли индийскую нацию, в первую очередь, промышленную буржуазию.

В итоге можно сделать вывод о крайне узкой социальной базе умеренных. По мере развития местного капитализма осознания индийскими промышленниками бесполезны ожидания существенных изменений в колониальных порядках введенных англичанами, на стороне умеренных оставались лишь верхушка буржуазной интеллигенции и связанных с либеральными помещиками.

В соответствии с решением основного вопроса об отношении к колониализму, Банерджи и другие умеренные стрелись найти исключительно мирные формы объединения и ганизации общественных сил Индии. В ходе борьбы против отдельных конкретных несправедливостей властей умеренные выдвигали обычно в качестве единой платформы для сплочения сил оппозиции «дух общей жалобы»². Несколько более активной формой являлись действия, подобные выступлениям Банерджи в газете с критикой отношения Верховного суда к религиозным чувствам индусов (1883 г.), за что власти же заключили его на два месяца в тюрьму³. Это было, по-видимому, самым значительным проявлением антиколониалистских воззрений и чувств Банерджи.

Нигде и никогда не выступал Банерджи и другие умеренные против британского правительства как чужеземной ск

¹ Ibid., p. 208.

² Ibid., p. 44.

³ Из тюрьмы Банерджи вышел с ореолом «страдальца за веру», он и не был рьяным поклонником религии. Этот факт Банерджи особо отметил в мемуарах, подчеркнув, что он первый из представителей своего коллектива подвергся тюремному заключению за исполнение общественного долга. (Ibid., p. 74).

вуюю противостоящей индийскому обществу, объектом тормозящей национальное развитие. В этом отношении умеренные сделали шаг назад по сравнению со своими предшественниками по классу и Национальному конгрессу — экономистами Ранаде, Наороджи, Датта, которые хотя и сохраняли свою внешнюю лояльность по отношению к колониальным властям, но в своих произведениях объективно разоблачили колониализм как главнейшего врага национальности Индии.

Но более резкими по форме и более последовательными в существу дела являются выступления Банерджи и умеренных против своих партнеров по классу, по совокупной буржуазно-националистической антибританской позиции борьбе. Всю книгу мемуаров Банерджи пронизывает полемика с представителями радикального крыла Национального конгресса и с последователями тактики консерватизма, предложенной Ганди. Мазумдар, один из лидеров умеренных, в свою очередь, подобно Банерджи, в представителях радикального крыла националистов «чудовищ — анархистов», «врагов порядка и прогресса, ими им в правах гражданства» не только в Индии, но и в любой стране земного шара¹.

В том году, т. е. к концу рассматриваемого нами периода, умеренные к факту колониальной зависимости относились к тому, что, осуждая отдельные недостатки колониальных властей в управлении Индией, умеренные стояли за включение участия Индии в составе Британской империи и при постепенном введении самоуправления. Мазумдар, например, так формулировал — уже после сессии Национального Конгресса в Лакнау 1916 года, где он был избран лидером Конгресса — конечную цель политического разрешения: «...Достижение самоуправления в рамках империи, достижение федерального союза под эгидой британской империи, создание Соединенных штатов Индии как независимого государства и равного партнера Британской империи»². Конечную цель умеренные видели в сохранении зависимости Индии от Британской империи. Эта цель определяла для них необходимые для достижения того, что умеренные разумевали под «самоуправлением», «участием

Mazumdar. Indian national evolution, Madras, 1917,
pp. 201.

индийцев в управлении». Решающим условием, по ихнию, были постепенные административные реформы, «эционный путь»; наиболее правильным средством, ведущим самоуправлению — «апелляция к просвещенному и конционному правительству»¹.

В числе методов, к которым прибегали умеренные в общественно-политической деятельности по разным конным поводам, мы находим такие, как речи на митингах (раемых главным образом, среди «образованных классов»), письма властям, выступления в прессе, «резолюции созия» (в связи с очередными репрессивными актами в отношении индийцев), поездки в Англию для объяснения своих позиций «английскому народу» и т. п.². Еще в 1906 г. Банерджи развил бурную деятельность по созданию национального фонда для финансирования, как он пишет, «политического развития страны методами конституционной агитации в Индии и в Англии»³.

Хотя умеренные были в принципе против применения по отношению к властям — тактики «пассивного сопротивления», так как считали, что для этого не было в стране достаточно массовой основы и соответствующих условий⁴, умеренные — бенгальцы приняли участие в «пассивном сопротивлении» — в знак протеста против наиболее реакционного, с их точки зрения, действия колонизаторов — в Бенгалии. Выражалось их участие в массовом движении «пассивного сопротивления» в том, что многие из них занимаемые ими правительственные посты⁵.

Умеренные подчеркивали свою нетерпимость по отношению к любым насильственным средствам. Издавались пример, специальные инструкции о том, чтобы на демонстрации и митинги не брать палок и тростей⁶. Студентов, участвовавших в политике (понятно, при соответствующем контроле и руководстве), строго-настрого предупреждали необходимости дисциплины и «воздержанности»⁷.

¹ Ibid., p. 409.

² См., например, И. Валегјса. Op. cit. pp. 46, 72, 85, 167 и др.

³ Ibid., p. 85.

⁴ Ibid., p. 241.

⁵ Сам Банерджи отказался от участия в Бенгальском законодательном совете, несмотря на «приглашение самого губернатора», — подчеркивает он (Ibid., p. 254—255). После отмены решения о разделении Банерджи изменил свою позицию и в 1913 г. вошел в Совет.

⁶ Ibid., p. 221.

⁷ Ibid., p. 136—137.

но связан со всем вышесказанным вопрос об отношениях к народным массам.

Они не мыслили свое участие в политической партии иначе, как не от имени всей нации, всего народа, в частности, сказалось, на наш взгляд, влияние Индии. Идея наличия «единой Индии» повлекла за собой создание общей для всех членов «единой нации» политической организации. В частности, в числе политических индийской ассоциации, в которой активно сотрудничали и другие умеренные, были следующие: 1) созданный орган общественного мнения в стране; 2) объединение индийских народов на основе общих политических интересов; 3) поощрение дружеских отношений между индуистами и мусульманами; и, наконец, 4) «вовлечение в большинство общественные движения современности»¹. Эти и, в числе других, включал в свою программу и Индийский национальный конгресс.

После провозглашения общих принципов, декларируя необходимость обращать внимание на массы, на их нужды, сковать их в общественные движения, умеренные не практику общения с народом умеренные имели преимущественно во время своих выступлений на митингах. Кстати, митинги редко созывались среди масс. Сам Банерджи говорит всего о двух случаях, когда ему приходилось выступать перед «низшими классами». Первый такой случай был еще в юности, когда он выступал против рабства — как член общества трезвенности. Этот опыт он считал как «ценную тренировку» для выступлений на митингах во время движения свадеши².

В каком использовании в политических целях движение умеренные и не помышляли.

Чтобы закончить описание основных особенностей идеологии несколькими замечаниями о характере некоторых общественно-психологических проявлений, сопровождающих и действия их носителей. Несомненно, вся эта личность несет на себе отпечаток личности автора, его школы психологий, черт характера, личных симпатий, индивидуальных настроений. В силу этого и в числе других документов личного характера, типа писем, дневников и т. п. являются ценнейшим источ-

ником социально-психологической информации. За недолгое время мы можем лишь отослать читателя к специальной литературе, посвященной опыту использования метода «живых документов» или «биографическому методу» в истории этнографии, социальной психологии, социологии¹.

Социально-психологические явления, отмеченные на книгах Банерджи и Мазумдара, на наш взгляд, имели значение общественное и во многом были характерны для течения умеренных.

Прежде всего необходимо сказать, что умеренные пропагандисты очень большое значение чувствам, эмоциям, настроениям, охватывавшим большие группы людей во время крупных общественных событий². Например, при проведении массовых митингов их организаторы (в том числе умеренные) приглашали открывать и закрывать митинги козиторов, музыкантов, певцов, исполнявших патриотические песни³. Специальное внимание Банерджи уделяет в своей книге большой роли патриотического лозунга «Бандетарарам» (запрещенного в 1906 г. властями)⁴. В знак протеста против раздела англичанами Бенгалии Банерджи предложил собрать деньги и создать специальный памятник как символ единства и неделимости Бенгалии⁵.

Мы уже упоминали о клятве свадебши, идея принятия которой пришла Банерджи совершенно случайно во время митинга свадебши, проходившего во дворе индусского храма.

¹ Н. А. Рыбников. Автобиографии рабочих и их изучение. М., 1930. Его же. Психология и изучение биографий. «Психология», 1929, вып. 2. Его же. Биографии и их изучение. М., 1920. Г. Винокур. Биография и культура. М., 1927. Gottschalk L., Kluckhohn C., Apten R. The use of personal documents in history, anthropology and sociology. 1947. Handbuch der empirischen sozialforschung I Band, Stuttgart, 1962.

² В частности, выше мы уже писали об отношении Банерджи к «пульсам», как он называл проявление общественной психологии. В мемуарах Банерджи очень ярко передает дух единства, чувства патриотизма, настроение борьбы, общей активности, охватившие разные слои индийского общества во время движения свадебши и бойкота английских товаров (см. например, I. Banerjea Op. cit. p. 197).

³ I. Banerjea. Op. cit. p. 202.

⁴ Который стал, как пишет Банерджи, пан-индийским и национальным, который, по его словам, всегда повторяет образованенный индиец в каждом удобном случае, движимый патриотическим стремлением дать всем своим чувствам. (p. 206).

⁵ Ibid., p. 212—213. Кстати, действия англичан, разделивших Бенгалию квалифицирует — психически — как меру, «несвойственную британской традициям» (там же, p. 232).

тому изображения бога». Вся окружающая религиозная обстановка вполне соответствовала той почти религиозной почтливости, страстью, с какой все присутствующие относились к идеи свадьбы. Идея свадьбы в индии, пишет Банерджи, стала как бы частью религиозного индийцев. И когда Банерджи предложил присутствующим принять клятву — «с богом в качестве свидетеля», которая в десять-пятнадцать тысяч человек повторили на языке бенгалии ее слова: «Призываю в свидетелей Помогущего Бога и перед лицом будущих поколений, принимаем эту священную клятву — насколько возможно использовать предметы только отечественного производства и не использовать иностранных товаров. Да поможет

вам религиозных клятв — «с Богом в качестве свидетеля»! — использовали также и крайние, и Ганди при решении чисто политических задач². Но, в отличие от умеренных, использовали специально разработанные клятвы кратко, сознательно, в качестве идеологического документа. Иными словами, это объясняется тем, что крайние и Ганди понимали всю действенность таких идеологических документов, освященных религиозным и патриотическим чувством и психологией масс. Через чувства, усиленные соответствием настроением (созданным соответствующей обстановкой), лежал самый короткий путь донесения нужной информации индийским массам³.

Нельзя также упомянуть об одной особенности настроения проводивших воззрения умеренных и достаточно ярко выражавшихся, в частности, в книгах Банерджи и Мазумдара. Особенность — исключительная их убежденность, вера в то, что Британская корона желает индийскому народу только добра. Вся книга Банерджи, не видевшего принципиальных различий между Британской империей и Индией, полна иллюзиями (иначе не назовешь его искренностью)

109, р. 228.

В том индийские террористы, последователи крайних, принимали присягу перед изображением бога, в частности, перед скульптурой

и концепциях социальной психологии, используемых в науке о социальной психологии, например, в кн. А. И. Горячева. О некоторых канонах социальной психологии. (К вопросу о структуре общественной психики). В сб. «Проблемы общественной психологии», М., 1965. Третий. Общественное настроение, его природа и динамика. Г. Букин. Социальная психология и религия. Там же.

уверенность в собственной правоте в этом вопросе), члены Британского правительства вполне могло бы содействовать развитию национальной промышленности и в этом он, не было бы такого движения свадеши¹. С иным сожалением констатирует он факты нежелания со стороны колониальных властей помочь индийцам развивать промышленность.

Нам кажется, что следовало бы, рассматривая взгляды Банерджи как заблуждения, иллюзии, пересматривать некоторые прежние, чрезмерно резкие оценки взглядов умеренных и квалифицировать их неверные взгляды и действия как ошибочные, а отнюдь не как злономерно сознательно рассчитанные на предательство интересов индийского народа.

Так, например, в свете вышесказанного, на наш взгляд следует клеймить позором Банерджи за то, что он исключался тому обстоятельству, что, по его мнению, произошло изменение отношений Британского правительства к английскому народу в лучшую сторону. Причину же этого изменения он видел в благоприятном воздействии на правительство силы общественного мнения, в «постоянной умеренности лидеров Конгресса», а также в «личных качествах и мудрости английских государственных деятелей»².

Таким же плодом субъективно-ошибочной оценки со стороны умеренных следует считать их переживания, связанные с их участием в бойкоте английских товаров: «вильно ли воспримут английские друзья» это их учреждение. Ведь движение бойкота, объясняет Банерджи, не было своей сути антибританским, а должно было лишь привлечь внимание британского народа к жалобам индийцев³.

Таким образом, этот социально-психологический факт иллюзия, будто все англичане, в том числе Британское правительство, и объективно, и субъективно являются друзьями индийского народа, усугубляя неверную политическую линию, занятую умеренными в вопросе о том, кто является противником № 1. Для умеренных английский империализм таким противником не был.

В итоге можно сделать вывод о том, что идеологии обоих крыла индийской национальной буржуазии — умерен-

¹ I. Banerjea. Op. cit. p. 208.

² Ibid., pp. 148—149.

³ Ibid., pp. 191—192.

XIX — начале XX века носила объективно прогрессивно-буржуазный характер, хотя и была отмечена интересов лишь небольшого слоя национальной элиты. Отпечаток этой же социальной ограниченности оставил себе и социально-психологические проявления, сопровождавшие взгляды и действия умеренных.

Что повлекло за собой известную изоляцию умеренных сил индийского буржуазного национализма, особенно проявившуюся в период подъема антиимпериального движения 1918—1922 гг. в Индии и после него.